

«...Морская канула в моря...»

Цветаева

Кровавые рябины справа.

Плакучие березы слева.

Твердят: «Марина, Вы не правы!»

Тебе, Марина-королева!

Пеннорожденная морская —
В стихии тесной пресноводной
Обречена была такая
На смерть, чтоб снова стать свободной!

Ты канула... О, если б в море!
Прощай, прикамское приволье!
Но это горе — все ж не горе,
Лирическое своеволье!

Не горе, что не пожелала
Дурной эпохе стать служанкой.
А горе, горе, что не стала
Елабужанкой и волжанкой.

А горе то, что не воспела —
Как только б ты сумела! — Волгу
За всех, кто за избытком дела
Века ей верен втихомолку.

Неизреченные напевы
Шального волжского прибоя,
Отвергнутая королева,
Ты унесла навек с собою.

★ ★ ★

Кто мы? Что мы? С кем мы? Где мы?
Как нам жить и быть теперь?..
Белокурый юный демон
Кофе мне принес в постель.

Все случившееся — в силе.
Все у нас не как у всех:
Всю-то ночь проговорили
О стихах — и смех, и грех!

Н-да, неладно что-то с нами...
Впрочем, может, хорошо:
Так мы увлеклись стихами,
До греха и не дошло!

Я, наверное, жестока.
Но не более, чем он.
Я люблю Сапфо и Блока,
Он — в Есенина влюблен.

Среди классиков не тесно
Нам — совсем наоборот!
Разобраться бы с небесным,
А земное подождет!

Улица сутулится под ветром.
Горбится под ливнем старый мост...
Ну а я бегу, считая метры
До того, что невзначай сбылось.

Зонт мой нераскрывшийся, что дальше?
Я не пожалею ни о чем,
Вымокнув под самым настоящим,
Самым майским проливным дождем.

Друг, меня предавший, ну и как ты?
Не печалься, что продешевил!
Нынче у меня достанет такта
Сделать вид, что ты меня простил!

Рыжий, словно око светофора,
Кот, глядящий ночью в лица звезд,
Привязался, чтоб отстать нескоро —
Прихвостень, бродяга и прохвост!

...На сыром ветру роняя блески
Всем случайным-неслучайным вслед,
Ты дождись меня на перекрестке,
Долгожданный мой зеленый свет!

На кобылу всадницу променяв
(Знать, в кобылах ты знаешь толк!),
Ты забудь, забудь про меня,
И про то, как ты одинок.

Увлекайся, по скачкам ходи.
Ведь бывает спасительной ложь!
А мечту схрони в груди —
Не тревожь ее, не тревожь!

Никого в случившемся не виня,
Не вступай в смертельную эту игру.
Позабудь пришпорившую коня,
А люби кобылу гнедую Фру-Фру.

Теплой мордой ткнется в твое плечо
(Много ль надо расставшемуся с мечтой?)...
Ты целуй, целуй ее горячо,
Как не смел меня целовать, друг мой!

Ныне и присно уже не приснится
(Разве во веки веков!)
Волга — усталая синяя птица,
Дочь голубых родников.

Ты ль не поила шальных атаманов?
Ты ль не топила княжон?
Не над тобой ли от удали пьяной
Царский штандарт водружен?

Так отчего же ты больше не вхожа
В странные песни мои?..
Азия, черная птица, итожит
Душу-добычу в крови.

...С чувством меня научившие, с толком
И с расстановкою петь,
Средняя Азия, Средняя Волга,
Встретимся ль, милые, впредь?

Да и какие вы средние, право,
Ежели не налегке
Насмерть форпостами русской державы
Встали в судьбе и строке?

И — рассчитались со мною сторицей...
Что ж, запевай «Бисмилля!»,
Окровавленная хищная птица —
Азия, песня моя!

Пуглив и странен,
Диковат и тих,
До времени державшийся в сторонке,
Меня подкараулит мой же стих,
Похож на нежеланного ребенка.

В какой такой сторонке он возрос?
На стороне возрос... Моей родимой!
И сколько пролил безутешных слез,
Покуда мать фланировала мимо!

Пережидая бедствие моих
Лирических любовных отступлений,
Эпических реваншей жаждет стих —
Дитя моих спонтанных вдохновений.

Иллюстрация Василия Денисова

Напрасный труд — надеяться и ждать,
Пока мамаша в небесах витает.
Увы, не повезло тебе на мать,
Но дети матерей не выбирают!

Что матерная ласка — сторона,
Ты пообвыкся на родной сторонке.
Как поживаешь, милый?.. Тишина
В ответ звучит заносчиво и звонко.

★ ★ ★

Велика кобыла — воду возит...
Сокол мал, но не тягаться с ним!
Срок настанет — сокол грянет оземь
И предстанет суженым твоим.

Он тебе напомним, что когда-то,
Покидая свой небесный дом,
Ты была беспечна и крылата,
И негоже забывать о том!

Что ты в оправдание ответишь,
Суесться попутно у печи?
Так, мол, вышло — родились дети.
Ну а муж? Ищи его — свищи!

Да, была беспечна... Только печку
Ты никак не вправе укорять
Ни единым суетным словечком:
Не свекровь она — родная мать!

До всего всегда ей было дело.
Хоть пыхла стгоряча порой,
Все же приютила и согрела,
Наделив насущною едой.

Ну а ты, хоть и кидалась оземь,
Вновь крылатой стать не довелось...
...И судьба-кобыла воду возит
На тебе, обиженной до слез.

Что ты смотришь с надменной насмешкой,
Теребя белопенную ветвь?
Ну рассмейся в лицо мне — не мешкай! —
Черноглазая дерзкая стервь.

Что тебе чья-то тихая нежность?
Не смутила пока что слеза
Щёк твоих первозданную свежесть
И колючие звезды-глаза.

Всем ты в радость и все тебе в тягость.
Без вины виноватых прости!
Ты ж моя ненагляда-загляда —
Это зеркало явно не льстит!

Разбивай покоренные души,
Рот змеиной усмешкой улыжь...
Только золото звонких веснушек
По ухабам чужим не рассыпь!

Сбереги для родного простора
И веснушки свои, и грехи,

И смешки, и словечки, что скоро —
Скоро вызреют в чудо-стихи.

Что мне твой скоротечный румянец,
Пламень губ, что сгорает дотла?..
Что мне хохота протуберанец,
Разбивающий вдрызг зеркала?..

В окруженье цветов белопенных
Ты откуда — никто и ничья,
Сколь заглядчива — столь же мгновенна,
Звездоокая юность моя!

Прическа «Полюби меня, Гагарин!»,
Поплиновые платица в горох...
Неужто свыше этот день подарен,
Чтобы никто отнять его не смог?

Никто-ничто! Ни будущие слезы
Предательски терзаемой страны,
Ни мужние похмельные угрозы,
Ни призраки космической войны.

Ни дети, ни морщины, ни седины,
Ни алименты — черт бы их побрал! —
Отнять не властны этот день единый,
Который — был! И самым звездным стал!

Когда, лучась улыбчивостью кроткой,
От знойных взглядов заслонясь рукой,
Они слетались к оренбургской «летке»,
Благоухая «Красною Москвой».

Слетались, словно птички-невелички.
О чем-то щебетали меж собой,
Верны исконной девичьей привычке
Везде искать небесную любовь.

Ах, здесь что ни курсант — то сокол-парень!
Крылатым помогает Оренбург.
Ах, кабы знать, какой из них Гагарин!
Он сам тебя узнает средь подруг!

Спешат девчата к оренбургской «летке»...
И пусть не всем сегодня повезло —
Не вышли на свиданье парни-«слетки»,
Поставленные крепко на крыло.

А может, и не выйдут... Может статься,
Взлетели, улетели высоко,
Чтобы мечтою навсегда остаться,
Ведь без мечты на свете нелегко!

Ведь без мечты, до времени состарен,
Однажды рухнет мир, как в страшном сне...
Люби меня, как я тебя, Гагарин!
Люби меня, не зная обо мне.

Солнышки-подсолнушки.
Солнышки-ромашки.
Есть осколки солнышка
В неказистой кашке.

Солнечные зайчики.
Солнца половодье.
Пижма, одуванчики,
Облепихи гроздь.

На моем оконышке,
Почитай, все лето
Расцветает солнышко,
Собрано в букеты.

Плодоносит солнышко,
Ставшее вареньем.
Свет его не тает
Даже днем осенним.

Свет — оближешь пальчики! —
Нынче к чаю подан
Мёдом одуванчиков,
Донниковым мёдом.

В чашке — не хотите ли? —
Солнышко-ярило,
Зимних чаепитий
Ставшее мериллом.

Загулял, однако,
На шальном пиру
Калин-царь, собака!
Яндекс. Точка. Ру.

То ли от побоищ
Калин злобно рьян?
То ли от попоищ
Калин — гулеван?

Калина жесточе
Не было и нет:
Русь довел до точки,
Черен белый свет!

Тягловую долю
Вервием леча,
Льет потоки крови
Цвета кумача.

Льет, не зная сыти,
Заливает свет...
И на челобитье —
Батожье в ответ!..

...Тщится нашу драку
Превратить в игру
Интернет-собака.
Яндекс. Точка. Ру.

Но в стране восточной,
Стороне родной,
Усмехнувшись, точка
Станет запятой.

С этой запятою
Сгинем не зазря
Даже под пятою
Калина-царя.

За пятой, за пядью
Отчины-земли
Не чужие дяди —
Сродники легли.

Сумеречь да сутемь
Затевают спор...
Унывать не будем,
Русский наш топор!

В щях не уварился.
Строил лучше всех.
И не затупился
О чужой доспех!

*«... И смотрят последние астры в сагу
На то, как топиться хожу я к пруду...»
Диана Кан (из первой книги)*

*«Заживем в кувшинковом раю,
Милый мальчик, всем другим на зависть...
...Бедный мальчик, баюшки-баю,
Я в реке живу, а не купаюсь...»
Диана Кан (из второй книги)*

*«В полуденном солнце сверкнув чешуёю,
Прощаюсь, прощаюсь, прощаюсь с тобою...»
Диана Кан (из третьей книги)*

*«О себе, о любви, о России
Мне расскажет русалка моя...»
Евгений Семичев*

Волгой, Волгой, а потом Мологой.
Из Мологи напрямиком в Китьму...
Я слыла когда-то недотрогой —
Чушь, непостижимая уму.

Я слыла капризною русалкой,
Искусив блаженством и бедой
Невзначай поймавших на рыбалке
Ту, что назовут своей судьбой.

Все они вели себя, как дети.
Волокли русалку под венец.
Для добычи расставляли сети
И — добычей стали наконец!

Ох, жена — не сыщешь расчудесней! —
Разменяла жизнь на ерунду.
Все поет неведомые песни
Да топиться бегаёт к пруду.

Всякая лягуха ей — царевна.
Всякий лотос — чуть ли не жених!..
Ну а ты живи себе, как евнух!
Али не смирился, не привык?

...Не смирились и не привыкали,
Становясь угрюмей и грустней...
И глаза их, полные печали,
Не забыть мне до скончанья дней.

Как с женой-русалкой ночи долги!..
В полнолуние не смыкая глаз —

«Шла бы вниз по матушке, по Волге!» —
Думали, болезные, не раз.

Волжский взгляд русалий с поволокой
Тоже манит по теченью плыть...
Ведь к первоначальному истоку
Ничего уже не возвратить!

Почему же супротив течения
Плыть извечно я обречена?..
Реки, речки, реченьки, реченья...
Не упомяну ваши имена!

...Волгой, Волгой, а потом Мологой...
Да не все ль равно, куда идти,
Если сам к себе придёшь в итоге?..
А другого, видно, нет пути.